

Собственность. У животных. — Потребность питания неудержимо влечет всех животных к отысканию, захвату и присвоению питательных средств, при чем животные слабыя и неспособны к сбережениям, а также и животные очень сильныя, не нуждающіяся въ сбереженіяхъ, не дѣлаютъ никакихъ пищевыхъ запасовъ. Левъ и тигръ, напримѣръ, не имѣютъ надобности въ накопленіи провизіи: по лѣсамъ и полямъ бродитъ достаточное количество млекопитающихъ для удовлетворенія ихъ аппетита. Слоны обладаютъ превосходными кладовыми въ видѣ тропическихъ лѣсовъ; африканскій слонъ, напр., вырываетъ съ корнями огромное количество деревьевъ и кустовъ для того, чтобы просмаковать нѣсколько вкусныхъ плодовъ. Понятіе о земельномъ владѣніи, вѣроятно, существуетъ у льва, который, избирая обширную территорію для своей охоты, охраняетъ ее отъ посторонняго вступщика. Бродячія собаки въ Египтѣ, соединяясь ордами, избираютъ опредѣленное мѣстожительство и точно также рвутъ на части всякую постороннюю собаку, которая къ нимъ проникаетъ. Одинаковымъ образомъ поступаютъ и обезьяны, напр. мартышковые (*Cercopithecidae*), живущія ордами въ лѣсахъ подъ управленіемъ старыхъ самцовъ; каждая орда владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ, въ который члены другой орды проникать не смѣютъ. Птичьи гнѣзда, хотя и не являются постоянными обиталищами, а скорѣе предназначаются только для воспитанія птенцовъ, но тѣмъ не менѣе составляютъ настоящую собственность, и птицы пользуются ими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Старыя вороны изъ года въ годъ возвращаются къ тому же гнѣзду и такъ какъ они моногамны, то при гибели одного изъ супруговъ другой приводитъ новаго супруга опять въ то же гнѣздо. Эта привязанность къ «дому» свойственна не исключительно воронамъ; другія птицы тоже занимаютъ исправленіемъ своихъ гнѣздъ и ежегодно къ нимъ возвращаются, если только какая-нибудь катастрофа не удалитъ ихъ отъ гнѣзда навсегда. Семейная С. въ видѣ общаго жилища, подобнаго «длиннымъ домамъ» клановъ ирокезскихъ и фаланстеріямъ публовъ Центральной Америки, тоже существуетъ у птицъ, напримѣръ, у грачей, которые сообща отыскиваютъ пищу и сообща возвра-

рода—съ другой. Весьма распространенный взгляд, основанный на изучении аграрнаго строя Зап. Европы и въ особенности Англїи, въ силу котораго поземельная С. есть ничто иное, какъ результатъ насилїя господствующихъ классовъ надъ населенїемъ, представляется послѣднимъ обобщенїемъ. При обсужденїи вопроса о поземельной С. съ экономической точки зрѣнїя слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ значенїе земли, въ качествѣ фактора производства, такъ и значенїе распределенїя поземельной С. Земля служитъ чеховѣку, во-первыхъ, какъ мѣстопробыванїе и мѣстожительство, во-вторыхъ, для различнаго рода сельскохозяйственнаго и лѣснаго пользованїя, въ третьихъ, для добыванїя изъ нѣдръ ея разныхъ полезныхъ ископаемыхъ и минераловъ, въ четвертыхъ, какъ вмѣстилище разнаго рода водъ, служащихъ какъ для непосредственнаго потребленїя, такъ и для производства и передвиженїя товаровъ, а также для орошенїя и, наконецъ, въ пятыхъ, по землѣ проводятся разныя дороги и строятся сооруженїя, служащїя для сообщенїя людей другъ съ другомъ. Соответственно указаннымъ дѣлямъ, институтъ частной поземельной С. имѣетъ весьма различное народохозяйственное значенїе; въ примѣненїи къ разнымъ видамъ земельныхъ имуществъ содержанїе его существенно различно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно значительно ограничивается и замѣняется различными формами общественнаго обладанїя. Здѣсь будутъ рассмотрѣны только два изъ указанныхъ видовъ поземельной С. (о С. горной—см. Горное законодательство, о водныхъ вмѣстимщахъ—см. Водовладѣнїе, Водопользованїе, о дорогахъ—см. это слово). 1) Институтъ поземельной С. имѣетъ огромное народохозяйственное значенїе по отношенїю къ землямъ, служащимъ для мѣстопробыванїя и мѣстожительства чеховѣка, въ особенности въ городахъ; городская поземельная собственность справедливо рассматривается какъ отличная отъ другихъ видовъ собственности. Поземельная рента съ городскихъ земель есть, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ, получаемый землевладѣльцами за положенїе мѣста. Нигдѣ болѣе чѣмъ въ городахъ, въ особенности большихъ, поземельная рента не достигаетъ такихъ высокихъ размѣровъ и такихъ большихъ различїй. За городскїя земли, находящїяся вблизи торговыхъ центровъ или обладающїя какими-либо удобствами для городской жизни, владѣльцы устанавливаютъ весьма часто *монополизмъ* цѣны, чѣмъ, въ значительной мѣрѣ, удорожается какъ жизнь городского населенїя, такъ и расходы на производство. Еще до настоящаго времени далеко не всюду городскїя площади и сады, служащїе для цѣлей общественной гигиены, находятся въ общественномъ обладанїи. Встрѣчаются нерѣдко случаи, что вся земля, находящаяся подъ городами, составляетъ частную С. одного или нѣсколькихъ частныхъ лицъ и учреждений (городская земля въ мѣстечкахъ и городахъ Юго-зап. края Россїи, земля подъ Лондономъ). Вслѣдствїе высокихъ цѣнъ на городскїя земли, постройки въ городахъ при-

обрѣтають своеобразный характеръ: города растутъ не только въ ширь, но и въ верхъ (большіе города Россіи, Западной Европы и Америки). Въ первомъ случаѣ удорожаются расходы на ихъ содержаніе и слѣдовательно городскіе налоги, во второмъ, увеличивается скученность населенія, что представляетъ большія опасности въ гигиеническомъ отношеніи (города Южной Италіи). Сравнительное обиліе въ городахъ свободныхъ капиталовъ, при возрастающемъ ростѣ городского населенія, вызываетъ весьма часто такъ назыв. строительныя горячки и послѣдующе затѣмъ домовладѣльческіе кризисы; при существованіи дешеваго и въ большинствѣ случаевъ легко доступнаго кредита подъ залогъ городскихъ построекъ и земель, развивается вредная спекуляція, отражающаяся и на другихъ сторонахъ городского и иногда даже всего на роднаго хозяйства. Ростъ городовъ, усиливающийся по мѣрѣ развитія путей сообщенія и обрабатывающей промышленности, вызываетъ не менѣе вредныя квартирныя кризисы, тяжкимъ бременемъ ложащіяся въ особенности на рабочее населеніе городовъ. Таковы вредныя послѣдствія примѣненія принципа частной С. къ городской землѣ. Для устраненія ихъ нѣкоторые предлагаютъ передать право на городскую поземельную С. въ руки городскихъ общинъ. Практическое осуществленіе этой идеи представляетъ громадныя затрудненія даже въ такихъ городахъ какъ Лондонъ, въ которомъ господствуетъ система отдачи городскихъ земель, почти цѣлкомъ принадлежащихъ небольшому числу частныхъ лицъ и учрежденій, въ аренду на 99 лѣтъ изъ выстройки, и распространеніи аналогическій договоръ долгосрочнаго найма квартиръ. Затрудненія для экспроприаціи городскихъ земель увеличиваются въ городахъ съ мелкою поземельною С. и потому болѣе умѣренные писатели предлагаютъ рядъ другихъ мѣръ, смягчающихъ вредное вліяніе городской поземельной С., а именно большее вмѣшательство государства въ отношенія между домовладѣльцами и нанимателями, реформу городского обложенія, съ предоставленіемъ плательщикамъ квартирнаго налога участія въ городскомъ самоуправленіи, распространеніе обществъ для устройства дешевыхъ квартиръ и постройки домовъ на артельныхъ началахъ, улучшеніе и удешевленіе городскихъ путей сообщенія и т. д. 2) Съ конца прошлаго вѣка и по мѣрѣ распространенія такъ называемаго рациональнаго сельскаго хозяйства, въ литературѣ и въ жизни появилось весьма сильное движеніе въ пользу освобожденія сельской поземельной С. отъ всевозможныхъ сервитутовъ, на ней лежащихъ, равно какъ и въ пользу устраненія чрезполосности, съ цѣлью освобожденія имѣній отъ принудительныхъ сѣвооборотовъ и предоставленія владѣльцамъ полной свободы хозяйственнаго распоряженія. Однако, по мѣрѣ того какъ въ сельскомъ хозяйствѣ вводились всевозможныя улучшенія, особенно осушка и орошеніе земель, хозяйственные интересы привели къ введенію нѣкоторыхъ новыхъ сервитутовъ, напримѣръ права про-

вода канавъ черезъ чужія земли, права спуска водъ и т. п. Съ другой стороны, постепенное раздробленіе поземельной С. и возрастающая съ каждымъ годомъ ея задолженность вызвали рядъ мѣръ, ограничивающихъ право свободного распоряженія С., въ особенности крестьянскою, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Съ точки зрѣнія производства очень большое значеніе имѣетъ размѣръ поземельнаго владѣнія. Различаютъ землевладѣніе мелкое или крестьянское, площадь котораго настолько не велика, что для обработки ея достаточны силы самого владѣльца и его семьи, и землевладѣніе среднее и крупное, площади которыхъ настолько велики, что обработка ихъ требуетъ участія наемныхъ рабочихъ, а владѣльцы земли, не занимаясь лично физическимъ трудомъ, являются организаторами и администраторами своихъ хозяйствъ. Само собою разумѣется, что понятія о размѣрахъ землевладѣнія относительны и различны въ отдѣльныхъ странахъ, въ зависимости отъ степени интенсивности хозяйства или относительной стоимости земли, капитала и труда, равно какъ отъ природныхъ условій и степени густоты населенія. Тюненъ доказалъ, что при данныхъ равныхъ условіяхъ существуетъ только одинъ размѣръ площади хозяйства, за предѣлами котораго веденіе его становится невыгоднымъ въ виду постоянно удорожающейся стоимости перевозки орудій производства на болѣе отдаленные участки при увеличеніи этой площади и постепеннаго вздорожанія стоимости сельскохоз. капиталовъ и орудій производства, при уменьшеніи ея. Соображенія Тюнена совершенно достаточны, чтобы признать негодными, съ производственной точки зрѣнія, землевладѣніе латифундіарное (громадныхъ размѣровъ) съ одной стороны и землевладѣніе карликовое (ничтожныхъ размѣровъ)—съ другой. Последнему нѣкоторые писатели (изъ новѣйшихъ—Конрадъ) приписываютъ большое социальное значеніе, тогда какъ первое не находятъ защитниковъ въ экономической литературѣ. Крупное землевладѣніе имѣетъ за собою всѣ преимущества крупнаго производства вообще, т. е. при прочихъ равныхъ условіяхъ оно можетъ дать болѣе чистый доходъ, чѣмъ землевладѣніе мелкое, ибо находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ относительно возможности приложенія раздѣленія труда, машинъ, технического знанія, производства сельскохоз. хозяйственныхъ меліораций, условій организациі надзора, кредита, сбыта и проч. Защитники системы крупнаго землевладѣнія указываютъ также на его социальную и политическую важность, а также на значеніе его для болѣе мелкаго землевладѣнія, которому оно даетъ примѣръ сельскохоз. хозяйственныхъ улучшеній и образцоваго хозяйства. Но еще Миллемъ было замѣчено, что если-бы сельское хозяйство Англій велось самими землевладѣльцами этой страны—какъ извѣстно, очень крупными,—то глубокое знаніе и энергія, которыя столь характерны для сельскихъ хозяевъ Англій, проявились-бы только въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ, а общее положеніе земледѣлія было-бы самое пе-

чальное. Теоретическое положение, что крупное землевладѣніе обладаетъ необходимыми знаніями и капиталами, рѣдко оправдывается въ практической жизни. Опытъ учить, что крупные собственники рѣдко принимаютъ личное участіе въ веденіи своихъ хозяйствъ, часто не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и обыкновенно поручаютъ ихъ наемнымъ управляющимъ или арендаторамъ, а сами, довольствуясь получениемъ ренты, живутъ въ городахъ. Не только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ земля свободно переходитъ изъ рукъ въ руки и дробится при наслѣдованіи, но и въ тѣхъ, гдѣ эта свобода ограничена и наслѣдованіе регулируется всевозможными фидеикомиссами, майоратами и проч., крупное землевладѣніе, какъ то показалъ Родбертусъ, легко обременяется долгами. Производя на неизвѣстнаго потребителя и притомъ только такіе продукты сельскаго хозяйства, для которыхъ рѣшающее значеніе имѣютъ спросъ и предложеніе всемірнаго рынка, крупное землевладѣніе гораздо болѣе зависитъ отъ всевозможныхъ конъюнктуръ и труднѣе переживаетъ кризисы, чѣмъ мелкое. При обсужденіи достоинствъ и недостатковъ крупнаго землевладѣнія нужно также имѣть въ виду, что въ области сельскаго хозяйства раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ, непрерывность производства, равно какъ и свобода въ его сокращеніи и расширеніи, очень ограничены и что природныя факторы — и слѣдовательно *случай* — играютъ въ немъ весьма важную роль. Нельзя, поэтому, распространять на крупное сельское хозяйство и землевладѣніе положеніе, справедливое для промышленности обрабатывающей, — что крупное хозяйство мало-помалу вытѣсняетъ мелкое и становится на его мѣсто. Даже въ классической странѣ крупнаго землевладѣнія — Англии — мелкія хозяйства играютъ весьма крупную роль. На ряду съ громадными «пшеничными фабриками» Сѣв. Америки существуютъ мелкіе фермеры-собственники. Произведенныя въ послѣднее время статистическія обследованія Бельгіи, Германіи и Швейцаріи доказываютъ, что мелкая поземельная С. не только не исчезаетъ, но даже растетъ. Тоже наблюдается въ классической странѣ мелкаго землевладѣнія — Франціи и въ Россіи. Примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ принципа ассоціаціи среди мелкихъ собственниковъ показываетъ, что и эти послѣдніе могутъ воспользоваться нѣкоторыми выгодами крупнаго производства и даже съ болѣею выгодною, чѣмъ крупные собственники. Защитники идеи крупнаго производства и крупной поземельной С. и въ особенности Рикардо, придавая огромное значеніе чистому доходу хозяйства и умаляя значеніе валового, смѣшивали частно-хозяйственную точку зрѣнія на доходъ съ народнохозяйственной. Для всего народнаго хозяйства валовой доходъ въ составъ котораго входитъ поземельная рента, прибыль и заработная плата, имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, чѣмъ справедливѣе распределяются отдѣльные виды этого дохода между владѣльцами капитала, земли и труда. Крупное хозяйство имѣетъ всегда тенденцію увеличивать такъ называемые постоянные

капиталы въ производствѣ и уменьшать размѣръ переменнаго, служащаго источникомъ существованія рабочаго класса. Точно также для всего народнаго хозяйства имѣеть рѣшающее значеніе не столько абсолютная величина чистаго дохода, сколько справедливое распредѣленіе его. Большинство экономистовъ, занимавшихся вопросомъ о значеніи крупнаго и мелкаго землевладѣнія. — Тееръ, Лоцъ, Милль, Пасси, Торнтонъ, Сисмонди и другіе—сходятся во мнѣніи, что общій валовой доходъ народнаго хозяйства при господствѣ мелкой поземельной С. — всегда больше, чѣмъ при господствѣ крупной. Если даже признать безспорнымъ, что абсолютная величина чистаго дохода больше при господствѣ крупной поземельной С., чѣмъ при господствѣ мелкой, то распредѣленіе этого дохода много справедливѣе въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ, ибо мелкій собственникъ получаетъ не только одну заработную плату, но и прибыль, и ренту. Затрачивая на свои участки гораздо болѣе труда, чѣмъ то можетъ сдѣлать крупный землевладѣлецъ, мелкій собственникъ имѣеть возможность вести свое хозяйство гораздо болѣе интенсивно и производить такіе продукты сельскаго хозяйства и огородничества, а также животноводства (шелководство, пчеловодство и друг.), которые гораздо менѣе зависятъ отъ міроваго спроса, чѣмъ зерновые хлѣба—обычный продуктъ производства крупныхъ хозяйствъ. Болѣе тщательное удобреніе и обработка земли являются характерными для мелкаго землевладѣнія, умудряющагося при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ снять съ одного и того же участка три урожая въ году (Японія). Немаловажное значеніе имѣеть также мелкое землевладѣніе въ социальномъ отношеніи. Страны, гдѣ оно господствуетъ, обнаруживаютъ болѣе усиленный ростъ населенія, и притомъ болѣе здороваго и трудолюбиваго. Бережливость мелкихъ собственниковъ ставится обыкновенно въ примѣръ другимъ классамъ населенія. Правда, она иногда переходитъ въ скупость; консерватизмъ, свойственный крестьянамъ, превращается иногда въ косность, а грубость деревенскихъ нравовъ является иной разъ сильнымъ препятствіемъ для осуществленія многихъ культурныхъ требованій городского населенія; тѣмъ не менѣе классъ мелкихъ землевладѣльцевъ является наиболѣе исправнымъ плательщикомъ налоговъ, наиболѣе постояннымъ и прочнымъ потребителемъ произведеній другихъ отраслей народнаго труда. По отношенію къ поземельной собственности, занятой *лесами*, съ экономической точки зрѣнія имѣють значеніе нижеслѣдующія соображенія. Два интереса борются постоянно въ *лѣсномъ* хозяйствѣ какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ имѣеть характеръ болѣе частный и можетъ быть названъ фискальнымъ, другой имѣеть болѣе общественный характеръ и можетъ быть названъ полицейско-охранительнымъ. Съ одной стороны на *лѣсъ* смотреть какъ на доходную статью, долженствующую приносить возможно болѣе доходъ, опредѣляемый высотой поземельной

ренты; съ другой стороны лѣсъ разсматривается какъ особаго рода фиденкомиссъ, не только дающій доходъ настоящему лѣсовладѣльцу, но и обезпечивающій будущія поколѣнія запасомъ матеріаловъ для построекъ, подѣлокъ и топлива и гарантирующій въ тоже время государство отъ такихъ бѣдствій, какъ вредное измѣненіе климата, обмеленіе рѣкъ, заносы плодородныхъ полей пескомъ, горные и снѣжные обвалы, наводненія и проч. Благо будущихъ поколѣній и общественный интересъ сохраненія лѣса для цѣлей климатическихъ и иныхъ могутъ служить достаточно побудительною причиною для согласія лѣсовладѣльца получать доходъ отъ лѣса въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ при форсированной рубкѣ его, но за то, быть можетъ, болѣе постоянный. Съ точки зрѣнія рациональнаго лѣсного хозяйства первое изъ указанныхъ направленій называется хищническимъ и осуждается лѣсною наукою, но съ точки зрѣнія частнаго интереса оно имѣетъ большое значеніе. При извѣстномъ процентѣ на капиталъ, доходъ, приносимый лѣсомъ, при правильномъ веденіи лѣсного хозяйства, можетъ быть ниже ходячаго процента и у лѣсовладѣльцевъ является побудительная причина обратить лѣсъ въ движимый капиталъ, т. е. вырубить лѣсъ и обратить вырученную за него сумму въ другія, болѣе выгодныя предпріятія. Даже и тогда, когда процентъ, приносимый капиталами въ странѣ, низокъ, какъ то бываетъ въ странахъ съ высоко развитою промышленною дѣятельностію, у владѣльцевъ лѣса является много побудительныхъ причинъ обращать его въ движимый капиталъ: при лѣсномъ хозяйствѣ нельзя достигнуть такой быстроты обращенія капиталовъ, какъ въ промышленности обрабатывающей. Только особыми условіями землевладѣнія и связанными съ нимъ преимуществами болѣе нравственнаго характера можно объяснить тотъ фактъ, что продажная цѣна на землю часто бываетъ выше капитализированной изъ ходячаго процента ренты. Изъ сказаннаго видно, почему государство не можетъ оставить безъ своего контроля лѣса частные. Собственникъ лѣса и лѣсопромышленникъ естественно смотрятъ на лѣсъ различными глазами; но чѣмъ мельче лѣсовладѣніе, тѣмъ болѣе лѣсовладѣлецъ приближается къ лѣсопромышленнику во взглядѣ на лѣсъ, въ особенности тамъ, гдѣ земледѣльческій доходъ превышаетъ лѣсной. Для возобновленія лѣса послѣ его вырубки нужны десятки лѣтъ и потому, чтобы гарантировать извѣстное количество древеснаго матеріала и чтобы устранить вредныя климатическія и иныя вліянія, всѣ цивилизованныя государства ограничиваютъ право собственности на лѣсныя земли, стремясь съ одной стороны сохранить постояннымъ древесный запасъ, съ другой—лѣсную площадь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уничтоженіе лѣса или веденіе въ немъ обычнаго хозяйства представляютъ опасности, могущія при благоприятныхъ обстоятельствахъ превратиться въ народныя бѣдствія, государство не останавливается передъ экспроприаціей послѣднихъ. Въ виду особаго характера произрастанія лѣса,

веденіе такъ называемаго рациональнаго лѣсного хозяйства оказывается наиболѣе продуктивнымъ на большихъ лѣсныхъ пространствахъ. Поэтому мелкая лѣсная собственность является препятствіемъ для развитія лѣсного хозяйства, если лѣсовладѣльцы эти не принуждаются къ соединенію въ лѣсныя товарищества.

И. Н. М.

Собственность частная на войнѣ.—Въ древнія времена захватъ непріятельской С. на войнѣ какъ государственной, такъ и частной, считался дѣломъ не только дозволеннымъ, но и почетнымъ. Древне-римское право считало добычу лучшимъ способомъ приобрѣтенія права С.: «*omnium maxime sua esse credebant quae ex hostibus cepissent*» (Гай, IV, 16). С. государственная и частная становилась С. побѣдителя (ср. Добыча, X, 835). Таково было положеніе дѣлъ и въ средніе вѣка, хотя тогда уже заявлялось требованіе полной неприкосновенности имущества мирныхъ жителей. Въ концѣ XIV в. въ законахъ швейцарскихъ кантоновъ, затѣмъ (1439 г.) въ законахъ Нидерландовъ запрещаются грабежи, поджоги, порубки деревьевъ, уничтоженіе виноградниковъ, отнятіе у мирнаго населенія скота, земледѣльческихъ орудій. Нѣкоторые писатели XVI и XVII в. высказываются противъ права добычи. Съ XVII в. все болѣе утверждается принципъ уваженія непріятельской частной С., по крайней мѣрѣ въ сухопутной войнѣ. Въ настоящее время, по общему правилу, всѣ движимыя государственныя имущества (капиталы, подати, оружіе, запасы продовольствія для арміи и проч.), служащія дѣлямъ войны, переходятъ въ С. оккупанта и вообще побѣдителя; на недвижимую С. государства оккупантъ получаетъ лишь право пользованія и владѣнія, такъ же какъ и на желѣзныя дороги. Частная С. неприкосновенна. Этотъ принципъ признанъ бруссельской деклараціей и «кодексомъ сухопутной войны», составленнымъ гентскимъ институтомъ международнаго права; противоположнаго взгляда держатся лишь нѣкоторые англо-американскіе юристы. Гефтеръ думаетъ, что взятый приступомъ городъ можетъ быть отданъ солдатамъ на разграбленіе, какъ вознагражденіе за рискъ, которому они подвергались; но въ новѣйшихъ европейскихъ войнахъ это не примѣняется. Въ Европѣ можно указать на такіе случаи въ войнѣ Чили съ Перу, въ войнѣ французовъ и англичанъ съ Китаемъ въ 1860 и др. Начало неприкосновенности частной С. подлежитъ, однако, слѣдующимъ ограниченіямъ: воюющій имѣетъ право захватить предметы, для него опасные, напр. оружіе, военные снаряды и вообще всѣ предметы, прямо служащіе дѣлямъ войны; всѣ эти предметы по окончаніи войны возвращаются собственникамъ или послѣдніе получаютъ за нихъ вознагражденіе. Затѣмъ, иногда является крайняя необходимость забрать у жителей извѣстные предметы—хлѣбъ, фуражъ, подводы и др.: эти предметы приобрѣтаются реквизиціей (XXVI, 525). Наконецъ, непріятель можетъ налагать на жителей оккупированныхъ мѣстностей денежныя суммы, что называется контрибуціей (XVI, 118).

Принцип неприкосновенности неприятельской частной С. был признан и на гаагской конференци 1899 г. По ст. 48 и 49 конвенции, оккупационная армия может взимать налоги и подати съ населенія, если срокъ ихъ наступилъ во время занятія, и употреблять ихъ по преимуществу на мѣстныя нужны Требуемые съ населенія сверхъ обыкновенныхъ налоги и повинности должны оправдываться «нуждами арміи или мѣстнаго управленія», «быть соразмѣрными со средствами страны» и не вынуждать населеніе «къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества» (ст. 49, 52). Право реквизицій не отвергается конвенціей (ст. 52), но частныя лица должны быть, по возможности, ограждены отъ злоупотребленія имъ: реквизиціи должны производиться не иначе, какъ по распоряженію командующаго войсками въ занятой мѣстности; за каждую реквизицію должно быть уплачено вознагражденіе или выдана форменная квитанція. Право взиманія контрибуцій признано ст. 51 конвенции. Что касается морской войны, то здѣсь до настоящаго времени признается въ принципѣ право захвата С. мирныхъ неприятельскихъ гражданъ. Это противорѣчіе между войной на сушѣ и на морѣ объясняется, главнымъ образомъ, историческими причинами. При меркантильной системѣ, господствовавшей до конца XVIII в., главною цѣлью морской войны являлось разореніе торговли противника и, слѣдовательно, захватъ частной С. Самыя операціи на морѣ не такъ разнообразны, средства вредить ограничены; даже уничтоженіе военнаго флота противника не даетъ рѣшительной побѣды; остается, такимъ образомъ, направить войну на С., прекратить торговлю и тѣмъ подорвать богатство нации въ самомъ корнѣ. Кромѣ того, указывается, что экипажъ неприятельскаго судна можетъ доставить хорошихъ солдатъ, а самое судно можетъ служить транспортнымъ средствомъ и опаснымъ развѣдчикомъ и посланцомъ. Всѣ эти доводы въ настоящее время теряютъ свое значеніе: уничтоженіе частной торговли не согласуется съ современнымъ принципомъ, что война ведется державами другъ противъ друга, а не противъ отдѣльныхъ лицъ; при измѣнившихся условіяхъ судоходства, веденія войны, міровыхъ сношеній, это старое средство наноситъ вредъ неприятелю но достигаетъ цѣли; наконецъ, въ виду солидарности торговыхъ интересовъ всѣхъ народовъ, убытки и разореніе одного отражаются на другомъ, такъ что весьма часто наибольшіе убытки обрушиваются на гражданъ того государства, которое захватываетъ добычу (напр. во время Крымской войны пострадала торговля Франціи и Англіи). Протестъ противъ права добычи на морѣ начинается еще въ срединѣ XVIII в.: Маблі въ 1748 г. нападалъ на нее съ экономической точки зрѣнія; Франклинъ настоялъ на проведеніи начала неприкосновенности частной С. на морѣ въ договорѣ Соед. Штатовъ съ Пруссіей (1785 г.); во французскомъ законодательномъ собраніи 1792 г., а также Соед. Штатами, въ предложеніи, обращенномъ къ Англіи, Фран-

ции и России (1823 г.), были сделаны попытки отменить право добычи на морѣ, но онѣ не привели къ положительному результату. Въ некоторыхъ войнахъ новѣйшаго времени воюющіе сами отказались отъ права нападенія на купеческіе корабли, какъ напр. въ войнѣ 1866 г. За послѣднее время въ литературѣ число противниковъ захвата весьма сильно растеть. Изъ защитниковъ добычи на морѣ наиболѣе выдаются Ортоланъ, Готфель и Лоримеръ. Самый способъ захвата непріятельскаго имущества на морѣ съ теченіемъ времени все болѣе смягчался. Начавшись съ пиратства (см. Разбой морской, XXVI, 111), морская война мало по малу приняла форму каперства (XIV, 361), которое было понемногу регламентировано и обусловлено требованіемъ присужденія каждаго приза особымъ судомъ (см. Призы, XXV, 177). При существованіи каперства отъ него страдали и нейтральныя суда съ непріятельскимъ грузомъ, хотя бы и самымъ невиннымъ; впоследствии конфискація всего корабля была замѣнена конфискаціей лишь одного груза и, наконецъ, по парижскому трактату 1856 г., каперство отменено, равно какъ и право конфискаціи непріятельской С. подъ нейтральнымъ флагомъ. Мало по малу, такимъ образомъ, и на морѣ начинаетъ признаваться неприкосновенность частной С.; этотъ принципъ отменяется лишь при подвозѣ военной контрабанды (VI, 835) и при нарушеніи блокады (IV, 88), когда С., направляясь на помощь врагу, теряетъ свой мирный характеръ. Непріятельская С. на морѣ (корабль и грузы) можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, подлежать реквизиціи и принудительной продажѣ, по приговору призоваго суда. Воюющій на морѣ можетъ временно захватить купеческія суда и воспользоваться ими для своихъ неотложныхъ надобностей (такъ наз. *jus angariae*), можетъ потопить суда непріятеля для прегражденія входа въ рѣку или гавань, можетъ, наконецъ, принудительно купить или нанять ихъ для превращенія въ военныя или транспортныя суда и т. д., но не иначе, какъ съ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ частныхъ лицъ. О положеніи частной С. нейтральныхъ см. ст. Нейтралитетъ (XX, 848), гдѣ и литература предмета.

Собственный Его Величества конвой — сформированъ въ 1828 году изъ кавказскихъ горцевъ, подъ названіемъ лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго взвода, съ правами и преимуществами старой гвардіи. Въ 1832 г. въ составъ конвоя была включена команда изъ «отличнѣйшихъ и храбрѣйшихъ» казаковъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, въ 1838 г. — команда лезгинъ, въ 1839 г. — команда изъ чиновъ закавказскаго конно-мусульманскаго полка. Въ 1856 г. конвой былъ переформированъ, при чемъ были образованы: 1) л.-гв. кавказскій эскадронъ С. Его Вел. конвоя, изъ четырехъ взводовъ: грузинъ, горцевъ, лезгинъ и мусульманъ. Команду (взводъ) грузинъ повелѣно было комплектовать изъ православныхъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій Тифлисскаго и Кутаис-

ской губ.; горцевъ—изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ горскихъ семействъ; лезгинъ—изъ знатнѣйшихъ джарскихъ и лезгинскихъ фамилій Прикаспійскаго края; мусульманъ—изъ почетнѣйшихъ фамилій хановъ и бековъ Закавказья. 2) Л.-гв. кавказскій казачій эскадронъ С. Его Вел. конвоя, комплектуемый изъ казаковъ и состоящій изъ двухъ очередей (одна на службѣ, другая на льготѣ), смѣняющихся черезъ 3 года. Въ 1863 г. въ составъ кавказскаго эскадрона была включена команда крымскихъ татаръ. Въ 1881 г. л.-гв. кавказскій эскадронъ былъ расформированъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время С. Его Вел. конвой состоитъ исключительно изъ казаковъ; его образуютъ четыре сотни—двѣ л.-гв. кубанскія и двѣ л.-гв. терскія, изъ коихъ на службѣ всегда находятся двѣ, а двѣ на льготѣ; смѣняются черезъ 2 года. С. Его Вел. конвой комплектуется на общемъ основаніи комплектованія казаковъ; принадлежитъ къ составу Императорской Главной Квартиры и подчиняется командующему ею.

Собственныя имена (лат. *nomina propria*, нѣм. *Eigennamen*)—имена, присвоенныя извѣстному недѣлимому, какому-нибудь одному отдѣльному понятію, но не дѣлымъ группамъ или классамъ недѣлимыхъ, получающимъ одно общее «нарицательное» имя. Только одна рѣка носитъ С. имя «*Волга*», но всѣ подобныя ей скопленія движущейся по уклону воды называются *рѣками*. Другими словами, С. имя есть имя одного только отдѣльнаго конкретнаго понятія (Волга, Москва, Александръ Македонскій и т. д.), тогда какъ имя *нарицательное* есть имя того или другого абстрактнаго родового или видового понятія (рѣка, городъ, человекъ, завоеватель и т. д.). Возникновеніе С. именъ представляетъ собой одинъ изъ видовъ превращенія случайнаго, индивидуальнаго, конкретнаго значенія въ общеупотребительное, обычное (см. Семасіологія). Всѣ С. (личныя и географическія) имена возникли изъ родовыхъ или нарицательныхъ обозначеній, которыя сначала получали преимущественное употребленіе въ извѣстномъ смыслѣ (употребленіе *κατ'ἕξοχην*). Особенно легко прослѣдить это образование на географическихъ названіяхъ. Таковы напр. названія: *Новгородъ*—Новгородъ (ср. нѣм. Neustadt, Neuburg, фр. Neuchatel, Villeneuve, англ. New-castle и т. д.), *Старый Городъ* (село Чистопольскаго у.; ср. нѣм. Altstadt, англ. Old-castle и т. д.). Таковы же нѣмецк. Berg (гора), Burg (замокъ), Hof (дворъ), Münster (соборъ), Hochburg (высокій замокъ), Neukirch (новая церковь), русск. Чистополь (чистое поле), Красный Яръ, Новодворъ, Крутой Врагъ, Крутогорки, Бѣлая гора (деревня Чистопольскаго у.), Озерки, Островки, ключъ Гремячій (спадающій по камнямъ съ горы), ключъ Сосновый, ручьи Ржавецъ (со ржавой водой), Березовый; улицы Шестилавочная, Болотная, Офицерская, мѣстности въ городѣ у Пяти угловъ, Пески и т. д. Всѣ эти названія служили сначала обозначеніями для ближайшихъ жителей, которые руководствовались при ихъ созданіи извѣстными случайными

щаются на почевку домой. У соланганъ (Collocalia — семейства стрижей), въ Остиндіи чувство собственности стало даже коллективнымъ: каждая изъ этихъ птицъ трудится одинаково надъ своимъ и сосѣдними гнѣздами. У безпозвоночныхъ животныхъ встрѣчаются еще болѣе замѣчательныя явленія, а именно полная социальная С. (см. Муравьи, XX, 196—202, Пчелы, XXV, 873 — 6), при существованіи которой индивидуальная С. немислима. Существуютъ указанія и на то, что муравьи въ давно прошедшія времена не имѣли ни кастъ, ни іерархіи и что тогда всѣ граждане муравьиныхъ республикъ обязаны были одинаково трудиться (Ch. Letourneau, «L'évolution de la propriété» II., 1889, стр. 2—27).

Собственность въ родъ человеческомъ. Потребность питанія таже у людей, какъ и у животныхъ: удовлетвореніе ея, какъ отдѣльнымъ индивидомъ, такъ и группами индивидовъ, влечетъ за собою тѣ же первоначальныя послѣдствія, какъ и у животныхъ. Добываетъ ли человекъ свою пищу посредствомъ охоты, рыболовства или сбора плодовъ, отъ свойствъ его питанія всегда зависятъ и мѣсто его жительства, и пространство земли, доставляющей ему питательныя средства. Болѣе или менѣе продолжительное пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, является ли источникъ питанія постояннымъ или временнымъ. Охотой занимаются преимущественно мужчины, сборомъ плодовъ — женщины и дѣти. Чѣмъ охота и рыбная ловля продуктивнѣе, тѣмъ болѣе освобождается женщинъ и дѣтей для домашнихъ работъ, тѣмъ солиднѣе строится домъ и снабжается необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Наконецъ, чѣмъ болѣе земледѣліе обезпечиваетъ вѣрное питаніе, тѣмъ болѣе возможно остановиться на постоянномъ и ограниченномъ мѣстѣ жительства. Существуетъ, такъ образ., множество социальныхъ явленій, которыя обусловлены исключительно удовлетвореніемъ потребности питанія человека (Ratzel, «Le sol, la société et l'état», «Année sociologique». III, 5). Первобытный человекъ жилъ большими стадами и ордами; иначе онъ-бы и не могъ удрѣлѣть отъ страшныхъ природныхъ силъ и хищниковъ того времени. Всѣ эти племенные группы людей добывали сообща средства пропитанія охотой, рыбной ловлей и т. д. При такихъ способахъ добычи могло образоваться лишь понятіе объ общемъ владѣніи движимостью. Когда племенные группы человѣческія выдѣляли изъ себя организованныя группы, въ видѣ клановъ или родовъ, то, въ силу земледѣльческихъ занятій, явилось понятіе о коллективномъ поземельномъ владѣніи. Въ ту и другую эпоху не было сначала никакихъ данныхъ для образованія понятія о частной индивидуальной С. (см. Коммунизмъ, XV, 880), кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда индивиды наиболѣе сильные, ловкіе и смысленные умудрялись добывать и сохранять отдѣльную добычу. Слѣды этого древняго положенія вещей сохранялись и въ словѣ «С.», которое происходитъ отъ слова

конкретными признаками, служившими средством отличенія данныхъ мѣстностей отъ другихъ. Городъ Мюнстеръ отличается своимъ соборомъ (Münster), Новгородъ отличался болѣе новой постройкой отъ какого-то другого болѣе стараго поселенія (въ Чистопольскомъ у. Казанской губ. села Старошешминскъ и Новошешминскъ окрестными жителями обыкновенно называются «Старымъ» и «Новымъ» городами), въ *Озеркахъ* или *Островкахъ* дѣйствительно имѣются озера и острова, уида Болотная лежитъ на прежнемъ болотѣ, Пески (чуть не въ каждомъ русскомъ городѣ) расположены на песчаномъ грунтѣ и т. д. Настоящими С. именами такія названія дѣлаются тогда, когда усвоиваются болѣе дальними обывателями, не могущими руководиться данными конкретными признаками, свойственными тому или другому урочищу, городу и т. д., или когда сами эти признаки исчезаютъ. Ручей Ржавецъ можетъ высохнуть, но мѣстность будетъ по прежнему называться «Ржавцемъ» (фактъ); дерево съ душломъ, давшее названіе извѣстной полянѣ въ лѣсу: «Дулышки», уничтожено, но мѣстность все еще называется такъ; на «Сосновомъ» ключѣ, извѣстномъ пишущему, давно уже никто не запомнить сосенъ, но очевидно когда-нибудь на его берегу или у его истока росла хотя бы одна сосна (въ данной мѣстности сосны прежде встрѣчались чаще) и т. д. Правда, рядомъ есть довольно много географическихъ именъ, возникшихъ изъ личныхъ именъ (Иванъ-городъ, Петровскъ, деревня Ивановское, Петербургъ, Екатеринославъ, Ярославль и т. д.), но и самыя личныя имена имѣютъ такое же происхожденіе, сводясь къ обозначенію тѣхъ или другихъ случайныхъ конкретныхъ признаковъ. Извѣстный субъектъ, лишенный одного или нѣсколькихъ пальцевъ, или, наоборотъ, обладающій ненормальнымъ ихъ числомъ, получаетъ конкретное и случайное опредѣленіе *безпалый*, *шестипалый*, переходящее къ потомству, хотя бы оно и не обладало этими признаками, въ видѣ фамилій Безпаловъ, Шестипаловъ (подразумѣвается сынъ). Такого же происхожденія фамиліи Грязновъ, Смирновъ (отъ прозвищъ Грязный, Смирной или Смирный), Звягинъ (отъ звяга=горланъ, крикунъ), Анохинъ (аноха=простофиля, глуповатый малый), Болдыревъ (болдырь=метисъ, сынъ русскаго отъ ивородка или обратно), Кривоносовъ, Ломоносовъ, Булычевъ (булычъ=наглый, безстыжій человекъ, плуть), Булыгинъ (булыга=большой камень, дубина, грубый неотесанный человекъ, неучъ) и т. д. Фамиліи въ родѣ Аняинъ (ср. польск. Auszus), Марьяшенинъ, Татьяничковъ, Катериничъ, Софьянъ, Марьякинъ, Марфинъ, Машкинъ и т. д. указываютъ на происхожденіе отъ незаконныхъ дѣтей (Машкинъ, Софьянъ и т. д. сынъ), имѣющее реальный характеръ только для ихъ родоначальниковъ, но не для потомства и т. д. Такія С. личныя имена, которыя являются заимствованными изъ другихъ языковъ и ничего не могутъ уже означать въ принявшемъ ихъ языкѣ, обладали первично конкретнымъ значеніемъ въ своемъ родномъ языкѣ: греч. Алексій, Ан-

дрей, Никифоръ, Николай, лат. Максимъ и т. д. всё имѣли первично извѣстное значеніе (защитникъ, храбрый, побѣдоносецъ, побѣдитель народовъ, величайшій и т. д.).

Литература. Pott, «Die Personennamen insbesondere die Familiennamen und ihre Entstehungsarten auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen» (Лпц. 1853, 2 изд.—1859); его же, «Ueber altpersische Eigennamen» («Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländisch. Gesellschaft», т. XIII, 1859); J. Grimm, «Ueber Frauennamen aus Blumen» («Abhandlungen» берл. акд. наукъ, 1852); Förstemann, «Altdeutsches Namenbuch» (т. I «Personennamen», 1856; т. II, «Ortsnamen», 1858, 2 изд., 1872); его же, «Die deutschen Ortsnamen» (1863); Abel, «Die deutschen Personennamen» (1853, 2 изд., Берл., 1889); Heintze, «Die deutschen Familiennamen geschichtlich, sprachlich u. geographisch» (1882); H. Grassmann, «Deutsche Pflanzennamen» (1870); Andresen, «Die altdeutschen Personennamen in ihrer Entwicklung und Erscheinung als heutige Geschlechtsnamen» (2 изд., Майнцъ, 1876); Tobler-Meyer, «Deutsche Familiennamen nach ihrer Entstehung u. Bedeutung etc.» (Цюрихъ, 1894); Buttman, «Die deutschen Ortsnamen mit besonderer Berücksichtigung d. ursprünglich wendischen in d. Mittelmark und Niederlausitz» (Берл., 1856); Kleinpaul, «Menschen und Völkernamen. Etymologische Streifzüge auf dem Gebiete der Eigennamen» (Лпц., 1885); Fick, «Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt, mit den Namensystemen verwandter Sprachen verglichen und systematisch geordnet» (1875); Egli, «Geschichte der geographischen Namenskunde» (1886); его же, «Nomina geographica. Versuch einer allgemeinen geograph. Onomatologie» (1872, 2 изд., 1893); Miklosich, «Bildung der slavischen Personennamen» («Denkschriften» вѣн. акд. наукъ, 1860); его же, «Bildung der slavischen Ortsnamen aus Personennamen» (ib. 1864) и «Die slav. Ortsnamen aus Appellativen» (ib. 1872—74); Моршкинъ, «Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфав. порядкѣ» (СПб., 1867, съ общимъ введеніемъ); Н. Чечулинъ, «Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ» («Библиографъ», 1890, и отд., СПб., 1890); А. Соколовъ, «Русскія имена и прозвища въ XVII в.» (Казань, 1891, отд. отт. изъ «Записокъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ»); Н. М. Тупиковъ, «Замѣтки къ исторіи древнерусскихъ личныхъ собственныхъ именъ» (СПб., 1892); Карновичъ, «Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и слияніе иноземцевъ съ русскими» (СПб., 1886); Н. Ѡ. Сумцовъ, «Малорусская географич. номенклатура» (Кіевъ, 1886) и «Мѣстныя названія въ украинской народной словесности» («Кіевская Старина», 1886 и отд.); Я. Головацкій, «Географическій Словарь западнославянскихъ и южнославянскихъ земель» (Вильно, 1884). С. Б—чз.

собъ, означавшее все свое — имущество, «животы», пожитки, нажитки, богатство — или от слова *собина*, выразившаго тѣ же самыя понятія: «да будетъ въ монастырѣ общее житіе; игумень и чернцы особинъ да не держать» («Акты Юр.», 145). Собникъ или собинникъ былъ полный хозяинъ и господинъ вещи, а собность обозначала имѣніе и всякую вещь, какъ личное достояніе — кого либо («Академическій Словарь», 1847, томъ IV, и Даль, «Толковый Словарь», изд. 1882, томъ IV). Прежде всего сложилось право личной собственности на движимость; понятіе же о личномъ правѣ собственности на недвижимость возникло гораздо позднѣе и впервые установлено закономъ у римлянъ (E. Laveleye, «De la propriété et de ses formes primitives»). Многочисленныя историческія и этнографическія изслѣдованія доказали, что всѣ древніе роды и общины владѣли нераздѣльно землей, обрабатывали ее сообща и переходили лишь поздно и постепенно къ строю частной С. Противъ этихъ положеній возсталъ Фюстель де Куланжъ («Recherches sur le droit propriété chez les grecs», въ «Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire» II, 1891), утверждая, что всѣ историческія данныя о Греціи не даютъ никакой возможности придти къ убѣжденію, что тамъ когда-либо существовало безраздѣльное общинное владѣніе. Прежде, въ своей извѣстной книгѣ «La cité antique» Фюстель де Куланжъ доказывалъ, что въ древнихъ обществахъ итальянскихъ и греческихъ право С. признавалось только за семьей, а не за индивидомъ; позже онъ пришелъ къ убѣжденію, что такая первобытная семейная община не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ теоріи, предполагающей родовую общинность, т. е. полнѣйшее отсутствіе всякой анпроприаціи (личнаго присвоенія) земли. Одинъ изъ его учениковъ, Гиро, относится объективнѣе къ аграрному коммунизму Греціи: онъ тоже подтверждаетъ, что нѣтъ ни одного текста, удостоверяющаго существованіе греческаго коллективизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ, чтобы при появленіи эллиновъ въ Европѣ они тотчасъ же провозгласили не только право собственности, но даже право земельной С. «Быть можетъ, прямыя предки грековъ переживали, какъ и многіе другіе народы, продолжительные вѣка пастушеской жизни, но историческая наука до этого не доходитъ». Поэты, трагики и даже нѣкоторые историки сохранили преданія о той эпохѣ, когда жители Эллады питались исключительно природными плодами земли и мясомъ животныхъ, «но греки никогда не считали себя родственниками такихъ дикарей, и ничто не доказываетъ, что они не имѣли права отъ нихъ отречься». Никакихъ точныхъ свѣдѣній о первобытномъ состояніи эллиновъ не имѣется. Ихъ языкъ, однако, указываетъ на то, что они умѣли обрабатывать землю и сѣять хлѣбъ. Прибывъ въ Грецію, они встрѣтили тамъ народы, которые уже воздѣлывали землю и знали ячмень, рожь, овечій горохъ, кишинецъ (Corgiandre), анисъ и чечевицу. Но дальше ничего неизвѣстно. «Жизнь земле-

дѣльческая не представляется несомнѣваемой съ кочевой жизнью: она только замедляетъ передвиженія и развиваетъ склонность къ осѣдлости, заставляя оставаться на одномъ мѣстѣ отъ дня посѣва до дня жатвы. Въ силу этого, весьма вѣроятно, что эллины стремились къ осѣдлости, когда они появились въ Греціи, тѣмъ болѣе, что очертанія страны не благоприятствовали переселеніямъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что частная С. какъ разъ въ это время и возникла. Были и теперь имѣются земледѣльческіе народы, которые землею владѣютъ сообща. Возможно, что и греки въ извѣстное время находились въ этомъ положеніи. Но явленіе возможное не есть явленіе реальное, и тезисъ греческаго коллективизма является въ настоящее время лишь предположеніемъ. Во всякомъ случаѣ, если греки жили подъ этимъ режимомъ, они пребывали въ немъ недолго, что и не удивительно со стороны расы, столь высоко прогрессивной. Въ этомъ, быть можетъ, и заключается причина, почему этотъ коллективизмъ не оставилъ никакого слѣда въ историческихъ памятникахъ и документахъ» (P. Guigaud, «La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine», Парижъ, 1893). Исторія народовъ, по преобладающимъ способамъ добычи питательныхъ средствъ, дѣлится на слѣдующія эпохи: охота и рыбная ловля, кочевое скотоводство, земледѣліе и промышленность. Въ послѣднее время появилось много научныхъ трудовъ, посвященныхъ раздробленію и упорядоченію этой суммарной классификаціи, на которую прежде смотрѣли, какъ на послѣдовательную и универсальную серію, черезъ которую прошли всѣ народы. Бываютъ случаи, когда та или иная стадія отсутствуетъ у даннаго народа; такъ, на примѣръ, земледѣльческія населенія древней Америки и цивилизаціи Центральной Америки и Перу обошлись безъ стадіи кочевого скотоводства. Подобныя явленія имѣютъ свои реальныя причины, которыя надо обнаружить, и въ данномъ примѣрѣ причина эта заключалась въ томъ, что у вышеуказанныхъ народовъ до прибытія европейцевъ не было вовсе животныхъ, обладающихъ свойствами, необходимыми для кочевого скотоводства. Съ другой стороны, первобытные земледѣльцы нисколько не выше первобытныхъ охотниковъ и рыбаковъ; почти всегда цивилизація ихъ ниже цивилизаціи высшихъ охотниковъ и рыбаковъ. Очень возможно, что высшіе охотники, прошедшіе примитивный періодъ земледѣлія, вторично обращались къ своимъ первоначальнымъ занятіямъ послѣ завоеванія земель, специально благоприятствующихъ охотѣ и рыбной ловлѣ (Steinmetz, «Classification des types sociaux et catalogue des peuples», въ «Année sociologique», III). Какія-бы затрудненія ни возникали при изученіи хозяйственнаго быта первоначальнаго человечества, въ настоящее время можно признать вполне доказаннымъ, что коллективное владѣніе недвижимостью (племенами, родами и большими семьями) у большинства народовъ предшествовало индивидуальному поземельному владѣнію, при чемъ вновь образующіеся виды земельного владѣ-

нія не вытѣсняли сразу прежнихъ видовъ, а становились, такъ сказать, рядомъ съ ними, жили и развивались своимъ путемъ или же исчезали по тѣмъ или инымъ причинамъ. Современныя изслѣдованія все болѣе и болѣе подтверждаютъ эти положенія: такъ, въ центральной Австраліи существуютъ и теперь территориальныя группы, которыя, на ряду съ тотемическими группами (см. Семья, XXIX, 472), являются какъ-бы собственниками занятыхъ ими земель и хорошо знаютъ границы своихъ владѣній (В. Spencer and F. Gillen, «The native Tribes of central Australia». Л., 1899). Въ шотландскихъ кланахъ еще въ XVIII вѣкѣ существовало совершенно коммунистическое поземельное владѣніе (А. Congrady. «Geschichte der Clanverfassung in den schottischen Hochlanden», Лпц., 1898). Въ Китаѣ, гдѣ существуетъ малосемейное владѣніе, кланъ или родъ начинаетъ исчезать, по онъ возрождается, какъ только обстоятельства это позволяютъ, и существуетъ преимущественно въ центрѣ и на югѣ. Родъ состоитъ изъ группы родственныхъ семей; въ составъ его входитъ иногда тысяча человекъ. И семья, и родъ не поглощены китайскимъ государствомъ, и вліяніе ихъ еще весьма значительно (М. Cougant, «Les associations en Chine», въ «Annales des sciences politiques», 1899, кн. I; Steinmetz, ук. соч., стр. 93). Изъ массы научныхъ изслѣдованій можно вывести заключеніе, что болѣшая часть обрабатываемыхъ земель на всемъ земномъ шарѣ состоитъ и теперь въ коллективномъ владѣніи (см. Поземельная община, XXIV, 186—225). Наряду съ коллективнымъ владѣніемъ и индивидуальной С. имѣется еще особый видъ владѣнія, который возможно назвать феодальнымъ. Убѣжденіе въ томъ, что феодализмъ присуща только европейскимъ среднимъ вѣкамъ, довольно распространено, но оно не совсемъ вѣрно: феодализмъ часто встрѣчается у такъ называемыхъ дикарей, напр. на Гавайскихъ островахъ, у бантусовъ южной Африки, у зулусовъ, у ашантиевъ, въ Монголіи и т. д. (Steinmetz, ук. соч., 86 и 87). Нѣкоторые остатки феодализма уцѣлѣли въ Англии, въ Германіи и въ Австро-Венгріи (Cauwès, «Cours d'économie politique», Пар., 1893, т. 3, стр. 428—430). Коллективною С. особаго рода можно признать также дороги и т. п. (см. Право пользованія общаго, XXIV, 920). Первоначальная форма занятія и присвоенія безхозныхъ земель сохранилась въ очень многихъ мѣстахъ, но перестала быть единственнымъ способомъ пріобрѣтенія земельного владѣнія (см. Займка, XII, 141; Оккупация, XXI, 820). Общинное землевладѣніе, по своимъ свойствамъ, трудно поддавалось дѣйствию законовъ, подчиняясь болѣе всего обычаямъ, выработаннымъ въ теченіе вѣковъ; законодательныя попытки регулировать этотъ видъ С. были побольшей части крайне неудачны и приводили или къ исчезновенію общиннаго землевладѣнія, или, въ лучшемъ случаѣ, къ крайнему стѣсненію свободы, а стало быть и жизни общины (см. Крестьяне, XVI, 659—725; Аграрное земледѣльство, I, 148; Общинное землевладѣніе, XXI, 634). Съ институтомъ инди-

видуальной С. дѣло шло иначе. По римскому праву индивидуальная С. (*dominium*) есть полное и исключительное правовое господство лица надъ тѣлесною вещью. По русскому праву, «право С. есть основанное на законномъ укрѣпленіи или титулѣ полное, исключительное и безсрочное правовое господство или власть лица надъ тѣлесною вещью, въ силу которой оно вправе владѣть, пользоваться и распоряжаться ею въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ» (Н. Анненковъ, «Система русскаго гражданскаго права», СПб., 1895, т. II, стр. 20). Римское опредѣленіе лежитъ въ основѣ современныхъ опредѣленій С. наибольшаго числа европейскихъ законодательствъ, и абсолютизмъ, связанный съ этимъ опредѣленіемъ, обусловилъ не мало бѣдствій, но все-таки институтъ С. прогрессировалъ, и современная С. значительно ограничена въ сравненіи съ римской, напр. по отношенію къ отчужденію въ общественномъ интересѣ, допускавшемуся у римлянъ лишь въ очень рѣдкихъ и точно опредѣленныхъ случаяхъ (см. *Expropriatio*). Такъ какъ владѣніе вещами есть реальность или видимость С. (см. *Владѣніе*, VI, 664), то и всякое законное (не договорное) ограниченіе владѣнія въ пользу сосѣдей или другихъ частныхъ лицъ является въ то же время ограниченіемъ права С. (см. *Сервитуты*, XXIX, 629; Кудриновскій, «Къ ученію о легальныхъ ограниченіяхъ права С. на недвижимость въ Россіи», Одесса, 1899).

Современное социальное значеніе С. Свободная С., говоритъ Ковесъ, есть 'раціональное послѣдствіе индивидуальной свободы, и, если доказано, что трудъ является наиболѣе священной изъ всѣхъ С., то странно было бы утверждать, что продуктъ труда не можетъ быть объектомъ законной С. Индивидуальная С. есть выраженіе и, такъ сказать, проекція личности человѣческой въ матеріальную область вещей; но эту проекцію вычерчиваетъ трудъ и придаетъ ей юридическій характеръ. Принципъ права С. заключается въ насъ самихъ. Земля, на которой мы существуемъ, завоевана нашей промышленностью, которая постаралась сдѣлать ее и болѣе обитаемой. Такимъ образомъ, принципъ С. заключается въ свободѣ человѣческой: С.—отраженіе этой свободы, которая проявляется черезъ посредство труда. Сама по себѣ свобода человѣка не приводитъ къ С., но трудъ является условіемъ С. и основаніемъ ея законности (*Salwès*; указ. соч., т. 3-й, стр. 343 и 4-й, 269—271). Разные виды С. сложились органически въ теченіе вѣковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ начались законодательныя воздѣйствія на земельное владѣніе, вліяніе того или иного способа держать землю на земледѣльческую производительность каждой страны весьма значительно. Если законы страны гуманны и справедливы, производительность земледѣльческая будетъ выше, чѣмъ если эти законы жестоки и придирчивы. Сравнивая производительность разныхъ странъ, легко удѣдиться въ томъ, что производительность не повышается пропорционально естественнымъ качествамъ земли (примѣръ: плохія земли во Фландріи и хорошія земли въ Турціи; послѣднія ничего не

производить, а первые дают нѣсколько урожаевъ въ годъ). Труду нужны миръ и свобода. Земельная С. даетъ различные результаты, смотря по тому, отдана ли она во власть феодалныхъ собственниковъ, монастырей, большихъ корпорацій, коммунъ и общинъ или представителей мелкой буржуазіи. Производительность не одинакова, когда земледѣльческій трудъ несутъ рабы, крѣпостные, пролетаріи или же сами собственники. Въ одной и той же странѣ производительность земледѣльческаго труда зависитъ отъ различія способовъ держать землю. Общинная С. большею частью истощена; аристократическая С. или мало, или совсѣмъ не воздѣлывается; буржуазная С. содержится недурно; малая С. лучше всего обработана (см. А. Toubeau, «La répartition métrique des impôts», ч. 2, П., 1880, стр. 367—383). Представителями этой малой С. являются во Франціи крестьяне, живущіе исключительно земледѣліемъ и обрабатывающе по бѣльшей части свои земли только съ помощью своихъ семей. Такихъ крестьянъ насчитывается, по даннымъ 1892 г., одинъ миллионъ, а съ семействами — 4 миллиона. Обрабатываютъ они около 10 милл. гектаровъ, т. е. нѣсколько менѣе четвертой части всей культурной поверхности Франціи. Уже Кене и его школа утверждали, что если правительство соответствуетъ естественному порядку вещей и заботится о постоянномъ улучшеніи земельной культуры, то прогрессъ земледѣлія всегда будетъ опережать ростъ народонаселенія и что, наоборотъ, у правительствъ, допускающихъ паденіе земледѣлія, всегда будетъ больше людей, чѣмъ пищевыхъ средствъ (Н. Denis, «Des origines du droit économique», въ журналѣ «La philosophie positive», т. 24-й, 1880). Правительственныя мѣропріятія не могутъ вызвать прямой переходъ отъ малопродуктивной экстенсивной системы хозяйства къ чрезвычайно производительной интенсивной (см. Земледѣліе, XII, 413), но могутъ подготовить этотъ переходъ путемъ распространенія образования среди народа, освобожденія личности отъ административнаго гнета правительственной опеки, надлежащаго устройства мелкаго земельного кредита и облегченія оборотовъ земельной С. Указываютъ на то, что обѣ послѣднія мѣры представляютъ нѣкоторую опасность (см. Мобилизація поземельной С., XIX, 562—566), побуждая земельныхъ собственниковъ бросать свою недвижимость въ большое капиталистическое движеніе и обращать свои имѣнія въ биржевыя цѣнности, которыя слѣдуютъ судьбѣ всѣхъ движимыхъ капиталовъ, т. е. сосредоточиваются въ рукахъ биржевыхъ игроковъ или другихъ крупныхъ представителей капиталистическаго строя. Противъ этого возражаютъ, что хотя будущее принадлежитъ, вѣроятно, росту земельного кредита и облегченію земельныхъ переходовъ, но не представляется основанія предполагать, что эта эволюція повлечетъ за собою скопленіе земель въ однѣхъ рукахъ (концентрацію земельной С.). Даже концентрація движимыхъ капиталовъ научно совсѣмъ не доказана и возбуждаетъ большія сомнѣнія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ мобилизація

земли прогрессировала быстро—напр., въ Австріи и Германіи, это новое движеніе ничуть не повредило малой С. Весьма возможно даже, что законы мобилизациі будутъ скорѣе способствовать завоеваніямъ крестьянства, чѣмъ тормозить ихъ. Такіе законы дадутъ трудящемуся сельскому населенію новую кредитную силу, и потому невѣроятно, чтобы они могли повредить ему (см. Souchoy, «La propriété paysanne», II., 1899). Въ настоящее время французскіе земледѣльцы получили возможность устраивать ассоціаціи, извѣстныя подъ назв. земледѣльческихъ синдикатовъ (см. Синдикаты). Въ Германіи земледѣльческіе товарищества составляютъ 72% всѣхъ германскихъ товариществъ, и участие германскихъ крестьянъ въ этихъ товариществахъ весьма значительно. Земледѣльческіе синдикаты и товарищества могутъ содѣйствовать мобилизациі крупной, сохранившей и до сихъ поръ нѣкоторыя вредныя свойства, которыми она обладала въ еще большей степени въ Римѣ (см. Латифундіи, XVII, 383). Самое вредное изъ нихъ заключается въ томъ, что при ней пустуетъ огромное количество земель. Утилизациа всѣхъ земель, годныхъ къ земледѣлію и состоящихъ въ чьемъ бы то ни было владѣніи, является весьма важнымъ социальнымъ вопросомъ, который разрѣшается различно. Такъ, напр., Оппенгеймеръ, признавая, что крупная поземельная С. не есть явленіе экономическое, а одно изъ послѣднихъ переживаній права, совершенно чуждаго экономіи обмѣновъ, думаетъ добиться растворенія большой С. учрежденіемъ кооперативнаго общества (Siedelungsgenossenschaft); но судя по сложнымъ и всеобъемлющимъ заботамъ, возлагаемымъ на это общество, можно думать, что оно будетъ содѣйствовать и растворенію мелкой С. (Franz Oppenheimer, «Grosselgenthum und soziale Frage», Берл., 1898). Другіе утверждаютъ, что единственнымъ крупнымъ собственникомъ должно быть государство, но предпринимателями явятся рабочія ассоціаціи, одушевленные братскими и религиозными чувствами (см. Коллективизмъ, XV, 699); но надо еще узнать, имѣетъ ли корпоративная земледѣльческая эксплуатаціа национализированной земли, по сравненію съ индивидуальной эксплуатаціей, какія-либо высшія преимущества и меньшіе недостатки (А. Врареур, «La question sociale. Etudes sur les bases du collectivisme», 1900, стр. 276). Въ отношеніи бесплодныхъ, вслѣдствіе необработки, земельныхъ площадей, состоящихъ въ частной С., представляется возможность предвидѣть, что онѣ современемъ будутъ подлежать отчужденію на общихъ основаніяхъ, для земледѣльческихъ надобностей. О правѣ С. на произведенія научныя, литературныя, художественныя и музыкальныя см. Литературная собственность (XVII, 785—793), о правѣ С. на изобрѣтенія и открытія — см. Патенты (XXIII, 1—7). Ср. Вещь и Вещное право (VI, 161—162).

Литература (кроме сочиненій, указанныхъ въ текстѣ): В. Вагнеръ, «Вопросы зоопсихологіи» (1896); L. Bourdeau, «Histoire de l'alimentation» (1894); его же, «Conquête du monde

animal» (1885); его же, «Conquête du monde végétal» (1893); его же, «Les forces de l'industrie. Progrès de la puissance humaine» (1884); «La propriété. Origine et évolution» («Thèse communiste par P. Lafargue. Réfutation par Yves Guyot», 1885); М. Ковалевскій, «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства» (М., 1898 и 1900); Ch. Letourneau, «L'évolution juridique dans les diverses races humaines» (1891); Шутяковъ, «Аграрный строй Пруссіи въ серединѣ XVIII в.» («Историч. Обзорѣніе», т. 9); И. Гревсъ, «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія» (СПб., 1899); Th. Goitz, «Vorlesungen über Agrarwesen u. Agrarpolitik» (1899); A. Espinas, «La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution» (1898); A. Fouillée, «La propriété sociale et la démocratie» (1884); E. Vandervelde, «Das Grundeigenthum in Belgien in dem Zeitraume von 1834 — 99» (въ «Archiv für soziale Gesetzgebung u. Statistik», 1900); C. Thümmel, «Aus der Symbolik des altdeutschen Bauereurenchts» (1887); С. Закъ, «Земля и капитализмъ» («Русское Богатство», 1898, №№ 10 и 12); Н. Maurus, «Ueber die Freiheit in der Volkswirtschaft» (1873); F. Couvert, «Le propriété» (1885); E. Lecouteux, «Le blé sa culture intensive et extensive» (Пар., 1884); A. Fouillée, «Idée moderne du droit» (1898); W. Schuff, «Oesterreichs-Agrarpolitik seit der Grundentlastung» (1898); Buchenberger, «Grundzüge der deutschen Agrarpolitik» (1899); К. Каутскій, «Die Agrarfrage» (1899); Б. Чичеринъ, «Собственность и государство» (М., 1882).

Р. Миллемъ.

Собственность поземельная, разсматриваемая съ экономической точки зрѣнія—есть важнѣйшій институтъ современнаго хозяйственнаго строя, основывающагося на принципѣ частной С. на землю, капиталъ и орудія производства. Въ тѣсной связи съ институтомъ поземельной С. находится явленія такъ назыв. поземельной ренты (см.) и, слѣдовательно, распредѣленіе народнаго дохода. Этотъ институтъ подвергался и подвергается ожесточенной критикѣ не только тѣхъ экономическихъ школъ, которыя строятъ свои ученія на полномъ отрицаніи принципа частной С., но и школъ болѣе умѣренныхъ и даже такъ наз. буржуазныхъ, предлагающихъ или видоизмѣнить содержаніе дѣйствующаго права С. и связаннаго съ нимъ наследственнаго права, или существеннымъ образомъ ограничить его, въ особенности по отношенію къ мелкой крестьянской поземельной С. Еще Миллемъ было замѣчено, что тѣ соображенія, которыя приводятся для теоретическаго обоснованія права С. вообще, очень мало приложимы для объясненія института поземельной С. Происхожденіе послѣдняго далеко не вполне можетъ быть объяснено ни теоріей, выводящей право С. изъ свойствъ человеческой природы, ни теоріей первой оккупации, ни теоріей трудовой. На институтъ этотъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на явленіе историческое, находящееся въ зависимости отъ природныхъ и общественныхъ условій производства—съ одной стороны, и историческихъ судебъ cadaго отдѣльнаго на-